

Источник: Москва

Дата выпуска: 2010

Номер выпуска: 01

Заглавие: Малоизвестные страницы азиатского путешествия

Автор: Д. Т. Капустин

Не многим известно, что свою первую поездку за границу Антон Павлович Чехов намеревался совершить в Азию. И даже был на пути туда.

Летом 1888 года, отдыхая на даче в Феодосии у своего старшего друга и покровителя — издателя газеты «Новое время» А.С. Суворина, он задумал вместе с сыном Суворина Алексеем путешествие «куда глаза глядят». Глаза глядели на Восток. Но вояж сорвался на полпути. В Баку Суворин-младший получил телеграмму о смертельной болезни своего брата и вынужден был вернуться. Не поехал дальше и Чехов, но уже увиденное в пути произвело на него неизгладимое впечатление. 13 августа 1888 года в письме своему другу поэту А.Н. Плещееву он написал: «Был я в Крыму, в Новом Афоне, в Сухуме, в Батуме, в Тифлисе, в Баку; хотел съездить в Бухару и в Персию, но судьбе угодно было повернуть мои оглобли назад. Впечатления новые, резкие, до того резкие, что все пережитое представляется мне теперь сновидением. <...> Впечатлений было так много, что я решительно обалдел и не знал, о чем писать»¹.

Новую попытку заграничного путешествия Чехов предпринял два года спустя. И опять оно было в Азию, точнее, вокруг Азии — возвращение «кружным путем» в Одессу из знаменитой поездки на Сахалин на пароходе Добровольного флота. Это было запланированное и хорошо продуманное путешествие.

Чеховеды до сих пор спорят о причинах, побудивших уже успешного молодого писателя (к тому времени обладателя престижной Пушкинской премии, автора «Степи», пьесы «Иванов», множества рассказов и водевилей) пуститься в далекий и небезопасный путь «на край географии». Большинство сходится на том, что причин было несколько: чувство недовольства собой, некий внутренний разлад, ранняя смерть весьма талантливого и близкого по духу брата-художника, запутанность отношений с поклонницами, необходимость новых впечатлений, острый интерес к сахалинской каторге, отсутствие «кусочка общественной жизни», неоднократно продекларированное желание «отдать дань медицинской науке», а также муза странствий (по Чехову, «страсть к передвижению»), И все это в совокупности звало и подталкивало писателя к путешествию на Сахалин и далее на восток, в стиле Гончарова и Пржевальского (его кумиров — писателей-путешественников).

«Человек с кровью странника в жилах» — так назвал Чехова один из его зарубежных биографов. И это очень верно. Он родился в вольном портовом городе Таганроге, с детства видел заморские корабли в порту и жил среди людей разных национальностей. Над «ненавистной» отцовской лавкой, похожей на тюрьму из-за зарешеченных окошек, где Антоша с братьями должны были торчать с рассвета до полуночи, значилось: «Чай, кофе и другие колониальные товары».

Еще в ранней молодости Антон Чехов объездил пол-России, подыскивал усадьбу на Полтавщине, где можно было бы обосноваться и уединиться «для трудов праведных». Впоследствии он неоднократно бывал во многих странах Европы (в том числе и вынужденно), а в планах и мечтах уносился еще дальше — в Африку, в Скандинавию, «в Ледовитый океан», на Всемирную выставку в Чикаго. Чехов мечтал о кругосветном плавании, в последние годы вынашивал замысел пьесы о покорении «Дальнего Севера» и даже незадолго до смерти собирался в Маньчжурию в качестве врача на русско-японскую войну.

Его перу принадлежит проникновенный, даже патетический «короткий вопль» в память известного русского путешественника (и по совместительству генерал-полковника Генерального штаба) Н.М. Пржевальского (1839-1888), неожиданно умершего от тифа в начале своей пятой экспедиции в Центральную Азию и Тибет. Между прочим, это была передовая статья (без подписи) в суворинском «Новом времени». Размышляя о подобных «людях подвига» (Стэнли, Миклухо-Маклай, Ливингстон), Чехов утверждал, что для любого общества

«подвижники нужны, как солнце», ибо они олицетворяют «высшую нравственную силу». «Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно», — признавался он затем в одном из писем.

Правда, неизвестно, читал ли Чехов последние из его статей, а также большой труд «От Кяхты на истоки Желтой реки» со «всеподданнейшим посвящением государю-наследнику», вышедший как раз в год кончины автора. В 13-й главе, которая всегда опускалась в советских переизданиях и не опубликована до сих пор, Пржевальский демонстрировал махровый великорусский шовинизм, называл китайцев «полудиким народом», «одряхлевшим умственно и нравственно», не способным к возрождению, и призывал к выяснению отношений с Китаем силой оружия.

На Восток!

Хорошо известно, что, собравшись в первое большое путешествие, Антон Павлович завел специальную тетрадь, которую озаглавил «Литература». Уже по списку 65 прочитанных работ (книг, статей, газетных сообщений) виден тщательный и *научный* характер подготовки. Еще более подтверждает это переписка писателя того времени. С января 1890 года и до отъезда (21 апреля) писатель практически все время сидел дома и штудировал труды. К работе были подключены друзья и родственники: Суворин слал из Петербурга атласы и редкие книги, сестра Маша и ее подруги делали нужные выписки в Румянцевской библиотеке, присылал выписки и книги старший брат Александр, актриса Клеопатра Каратыгина, одна из приятельниц писателя, делилась воспоминаниями (в длинных «письмах-романах») о своей жизни в Сибири, на Сахалине, а также в Кяхте, важном перевалочном пункте китайско-российской торговли в те времена.

В поле внимания Чехова практически все, что было известно о Сахалине, — от самых первых карт освоения острова до зоологии и геологии, с упором, конечно, на «каторжный вопрос». «Целый день сижу читаю и делаю выписки, — сообщал он 15 февраля А.Н. Плещееву. — В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. *Mania Sachalinosa*». (Целый ряд выписок, сделанных в эти дни, кусками легли впоследствии в текст его книги «Остров Сахалин».) А пару недель спустя писал Суворину в полушутливой форме: «С книгами я буду приставать к Вам до самого своего отъезда. И теперь я прилагаю список журналов, мне нужных. Верьте, Ваше Превосходительство, что я уже достаточно наказан за беспокойство: от чтения присылаемых Вами книг у меня в мозгу завелись тараканы. Такая кропотливая анафемская работа, что я, кажется, околею с тоски, прежде чем попаду на Сахалин».

Но в знаменитом списке не только работы о Сахалине. В нем и самые известные на тот период публикации по освоению русскими (и не только русскими) Дальнего Востока, о кругосветных плаваниях русских моряков, художников, писателей. Это труды И.Крузенштерна и Ю.Лисянского (отдельные) о знаменитом, первом в истории русского флота, плавании вокруг света на шлюпах «Надежда» и «Нева»; «Описание земли Камчатки» С.Крашенинникова; отчеты о плаваниях в дальневосточных водах отважного француза Лаперуза (на французском языке); работы об эпохальном сахалинском открытии Г.Невельского; известный в те времена труд врача, путешественника и художника А.Вышеславцева «Очерки пером и карандашом. Из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» и другие весьма заметные книги и статьи.

В этом же списке под номером 36 значится известное произведение И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"», романтизированное описание трудной и опасной экспедиции «к далеким берегам» под командованием вице-адмирала Е.В. Путятина (закончившейся установлением дипломатических отношений с Японией). Сохранившиеся письма 19-летнего Антона брату Михаилу и 40-летнего Антона Павловича к Г.И. Россолимо, «однокашнику» по факультету, известному врачу-психиатру, свидетельствуют о том, что «Фрегат...» на протяжении всей жизни оставался его любимым произведением, несмотря на некоторое охлаждение писателя к творчеству Гончарова в целом.

Две крупные работы, отмеченные в списке, посвящены соседним с Россией дальневосточным странам. Это трехтомник «немца голландского подданства» Ф.Зибольда «Путешествие по Японии, или Описание Японской империи» в переводе Н.В. Строева (СПб., 1854); весьма информативное исследование К.Скальковского, присланное автором (хорошим знакомым писателя по «Новому времени»), «Русская торговля в Тихом океане. Экономические исследования русской торговли в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китае, Японии и Калифорнии» (СПб., 1883).

Кроме того, судя по списку, а также переписке Чехова тех лет, он очень активно читал и использовал «Морской сборник», ежемесячный журнал, выходивший «под наблюдением Главного морского штаба», где можно было найти информацию по любой стране, куда заходили российские корабли. Вот образчик отношения Чехова к этому изданию — записка, адресованная даме, М.В. Киселевой (хозяйке незабвенного для семьи Чеховых имения Бабкино на Истре): «...быть у Вас сегодня не могу. Мне принесли "Указатель" статей "Морского сборника" от 62-го года по 82-й и просили вернуть его завтра утром. В настоящую минуту я выписываю статьи, касающиеся Сахалина и К⁰, бранюсь, как мерзавец, и чувствую себя ужасно не в духе». Известно также, что треть знаменитого чеховского списка литературы составляют труды, выписанные им именно из «Морского сборника», библиографический раздел которого сообщал о выходе или переиздании работ российских и иностранных авторов по мореплаванию, часто с толковыми аннотациями.

Судя по переписке, Чехов знакомился с гораздо более широким кругом материалов по интересующей его тематике, чем указано в списке, — этой своеобразной «выжимке» наиболее существенных публикаций. Часто они скрыты за названием журнала или сборника, а иногда «зашифрованы» и понятны только адресатам. Так, в письме Суворину от 4 марта говорится о возврате «Вашей "Asie"» — как теперь установлено, тома, посвященного Азии, французской энциклопедии «Живописная вселенная» из личной библиотеки издателя. Кстати, шикарная библиотека Суворина была подарена им впоследствии Румянцевской библиотеке.

Круг «штудий» писателя и его переписка однозначно свидетельствуют о том, что он с самого начала не собирался ограничиться только Сахалином и не планировал возвращаться назад тем же путем, через Сибирь. Его замысел простирался дальше на восток, за рубеж.

Собственно, с этими мечтами и выработывался параллельно маршрут путешествия, обнаруженный уже 28 января в письме брату Михаилу. Его уточненный вариант мы можем видеть в письме Чехова от 16 марта 1890 года собрату по перу И.Леонтьеву (Щеглову): «В апреле ведь я уезжаю, и увидимся мы едва ли ранее января! Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер, Церковная ул. Если на Сахалине не съедят медведи и каторжные, если не погибну от тифонов (тайфунов. — ДК.) у Японии, а от жары в Адене, то возвращусь в декабре и почию на лаврах, ожидая старость и ровно ничего не делая. Не хотите ли поехать вместе? Будем на Амуре пожирать стерлядей, а в Де-Кастри глотать устриц, жирных, громадных, каких не знают в Европе, купим на Сахалине медвежьих шкур по 4 р. за штуку для шуб, в Японии схватим японский триппер, а в Индии напишем по экзотическому рассказу или водевилю...»

Как видим, главным объектом поездки был, конечно, Сахалин, а маршрут вокруг Азии мыслился скорее как туристический, развлекательный. Чехов очень хотел посетить Японию, познакомиться с великими цивилизациями Азии — китайской и индийской, побывать в тропических столицах — Маниле и Коломбо, вдохнуть жар Аравийской пустыни, пересечь Индийский океан и Красное море, проплыть недавно прорытым Суэцким каналом, побродить по Константинополю — наследнику древней столицы Византии. Маршрут был так заманчив!..

И главное, для этого не было особых транспортных проблем, поскольку суда российского Добровольного флота на регулярной основе (по положению не менее 7 раз в год) свя-

зывали тогда Одессу с дальневосточными портами. (Транссибирской магистрали тогда еще не существовало.) Естественно, что суда заходили по пути в крупные зарубежные порты, где находились агенты Доброфлота или даже российские консульства (консулы). Маршруты объявлялись правлением заранее, накануне очередного года, причем заходы в Порт-Саид, Аден и Сингапур были обязательными (за исключением форс-мажорных обстоятельств).

«Отдать дань...»

Дорога на Сахалин в 4500 верст заняла 81 (!) день (включая 11-дневное плавание по Амуру) и была похожа на «тяжелую, затяжную болезнь». Она отображена в чеховских путевых заметках «Из Сибири», которые печатались в «Новом времени». Заметим, что такой опыт не пришелся писателю по душе: он не включил их в свое первое, лично отредактированное собрание сочинений

(издательство А.Ф. Маркса). И вообще, после этого никогда не писал путевых заметок и очерков о последующих дальних и ближних путешествиях, хотя они и давали Чехову «зерна» для творчества.

Прибыв на Северный Сахалин 11 июля (в Александровский пост), Антон Павлович практически с места в карьер принялся за работу. «Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано <...>, — писал он Суворину ровно через два месяца, переправляясь с Северного Сахалина на Южный. — Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд». Чехов не раз потом отмечал, что «видел все» на Сахалине, кроме смертной казни, и подчеркивал: «Сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации».

Как видим, труды писателя-исследователя были очень целенаправленными. В центре их был сбор материалов о жизни каторжан, составление специальной картотеки, разработанной им самим (и подробно описанной в 3-й главе «Острова Сахалин»), Так что, несомненно, в голове Чехова был некий план научной работы. Собственно, он и сам разделял «научные и литературные цели» поездки в известном прошении от 20 января на имя начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Враского.

Еще перед отъездом он попросил Суворина (17 марта) прислать ему примечательное издание: «Я писал Вам об одной диссертации. "Д-р Грязное. Топография Череповецкого уезда". Склад этого издания был у Вас в магазине. Узнайте по телефону, нельзя ли получить его».

Полное название работы — П.Грязнов. «Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда» (1880). Она давно была известна Чехову, судя по упоминанию в письме П.Г. Розанову 2 апреля 1885 года. Диссертация, несомненно, была прислана Сувориным, поскольку год с небольшим спустя (уже после возвращения) Антон писал из Алексина двоюродному брату «Алексису» Долженко: «Попроси Ивана привезти мне из моей библиотеки следующие книги: <...> 2) Никольский. "Тамбовский уезд. Диссертация". <...> 5) Грязнов. "Череповский (описка: Череповецкий. — Д.К.) уезд. Диссертация"».

Полное название другой диссертации тоже примечательно: Никольский В.И. «Тамбовский уезд, статистика населения и болезненности» (1885). Это исследование земского врача также было известно Чехову, причем сразу после публикации, и внесено в список литературы для готовившейся им тогда (после окончания университета) диссертации.

Обе работы упомянуты и использованы в «Острове Сахалин». Они же, скорее всего, и подсказали автору общий метод исследования.

Накануне поездки на Восток Антон Павлович писал Суворину (9 марта): «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку:

не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. Нет у меня планов ни гумбольдтских, ни даже кеннановских. Я хочу написать хоть сто-двести страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу».

Хорошо известно, что мысль о диссертации не покидала Чехова с университетской скамьи. Еще в стенах университета он думал над темой по «истории полового вопроса». После окончания он начал вплотную работать над кандидатской диссертацией «Врачебное дело в России». Причем начал по-чеховски дотошно и скрупулезно — с изучения последних исследований летописей и сборников фольклорной мудрости относительно народного здоровья начиная со времен Владимира Красное Солнышко и Иоанна Грозного. Всю жизнь доктор Чехов хранил материалы к этой диссертации — список литературы, выписки, комментарии к ним. Правда, со временем «любовница» (литература) взяла все-таки верх над «законной женой» (медициной) — как определял их взаимоотношения сам Чехов. Но идея диссертационной работы оставалась в глубине сознания писателя. Ей подчинен и стиль его подвижничества на Сахалине, а именно: тотальное медико-статистическое обследование каторжного населения острова, условий его быта. То есть по примеру диссертаций П.Грязнова и В.Никольского.

Забегая вперед, отметим, что работа над книгой «Остров Сахалин» шла туго, с отвлечениями. Кажется, что автор как бы искал тональность, стиль произведения, боясь сорваться на крик, на фальцет и в то же время стараясь обойти рогадины цензуры с помощью неопровержимых фактов и достоверной статистики. Она вышла отдельным изданием в 1895 году и имела заметный социально-политический резонанс. Труд о сахалинской каторге был замечен даже за границей. Но автор то радовался громким отзывам, то почему-то сетовал, что «книжка ни на что не пригодилась <...> никакого эффекта она не вызвала».

Свободный стиль «путевых заметок» о Сахалине, видимо, выводил их за каноны сугубо научной работы, несмотря на безупречную и исчерпывающую медицинскую статистику. Известно, что «однокашник» писателя по университету профессор Г.И. Россолимо, зная о давнем желании Чехова получить ученую степень доктора медицины и читать в университете любопытный курс лекций (идеи которого обсуждались в их разговорах), однажды вызвался «прозондировать» на этот счет мнение декана медфака университета профессора И.Ф. Клейна, предложив в качестве диссертации «Остров Сахалин». Но наткнулся на «большие глаза», которые декан сделал. Россолимо вспоминал далее: «Я сообщил о своих неудачах Чехову, который в ответ расхохотался. С тех пор он окончательно оставил мысль об академической карьере».

Писатель, видимо, счел на этом свой долг перед медициной исполненным и в конце концов заключил: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей арестантский халат. Пусть висит!»

Но вернемся к Чехову на Сахалине. Когда он перебирался на Южный Сахалин, ближе к океану и к отъезду, его беспокоила совсем другая проблема. На борту парохода «Байкал» в Татарском проливе он с отчаянием писал Суворину 11 сентября: «Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу (ныне г. Яньтай в КНР. — Д.К.), Суэце и, кажется, даже на Луне — всюду холера, везде карантин и страх. На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак. Во Владивостоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна генеральша».

Пленительный план путешествия вокруг Азии рушился... Как признавался позднее сам Чехов, возникла даже угроза «прозимовать на каторге». Но надежда все же теплилась. С нетерпением ждали прихода «Петербурга» из состава Добровольного флота, с которым должна была проясниться ситуация в азиатских портах. Появились даже сведения, что «холера во Владивостоке и Японии прекратилась», о чем Антон сообщал в письме матери 6 октября с Корсаковского поста. В том же письме он признавался: «Я соскучился, и Сахалин

мне надоел. Ведь вот уже три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь. Поскорее хочется в Японию, а оттуда в Индию».

На Южном Сахалине Чехов впервые дружески общался с «настоящими» японцами. «В Корсаковском посту живет японский консул Кузе-Сан (Кудзэ Гэн, судя по имеющейся в архивах визитной карточке. — Д.К.) со своими двоими секретарями — мои хорошие знакомые, — рассказывал он в письме матери. — Живут по-европейски. Сегодня местная администрация ездила к ним во всем параде вручать пожалованные им ордена; и я тоже ездил со своею головою болью и должен был пить шампанское». Сохранились две замечательные фотографии последовавшего затем пикника, сделанные местным фотолюбителем.

«Его высокоблагородие» — как величали японские представители Антона Павловича — состоял в недолгой дружеской переписке с «консулом Японской империи» и его двумя секретарями. А в «Острове Сахалин» оставил о них весьма лестные воспоминания. Вот только часть из них: «В пади на самом видном месте стоит белый дом, на котором иногда развевается флаг — красный круг на белом фоне. Это японское консульство. <...> Вне дома они ходят в европейском платье, говорят по-русски очень хорошо; бывая в консульстве, я нередко заставал их за русскими или французскими книжками; книг у них полон шкаф. Люди они европейски образованные, изысканно вежливые, деликатные и радушные. Для здешних чиновников японское консульство хороший, теплый угол, где можно забыться от тюрьмы, каторги и служебных дрызг и, стало быть, отдохнуть».

Но, к огромному сожалению, в Японию Чехов не попал (хотя и сохранил на всю жизнь удивительную любовь к этой стране, так никогда и не посетив ее). Не удалось ему и познакомиться близко, как хотелось, с зарубежным Востоком. Причина была одна — продолжающаяся холера.

Гонконгский «оазис»

С приходом «Петербурга» стало ясно, что тот отправится в обратный рейс под карантинным флагом, с заходом в немногие порты, открытые к тому времени. Пароход шотландской постройки был добротным, нестарым судном (20 лет), специально переоборудованным в 1889 году для перевозки ссыльных. По отзывам специалистов, он имел хорошие мореходные качества. (Через 3 года это судно было приобретено морским ведомством и уже под другим именем пережило Первую мировую войну и Октябрьскую революцию.)

Как сообщает вахтенный журнал парохода «Петербург» (найденный чеховедами в архивах в 70-х годах), судно покинуло Корсаковский пост в ночь с 13 на 14 октября 1890 года, а 16-18-го находилось в бухте Золотой Рог во Владивостоке. Здесь, во Владивостоке, в городском полицейском управлении, Чехов получил заграничный паспорт для «поездки морским путем за границу» на имя Antonie Tschechhoff.

Во Владивостоке «Петербург» принял на борт 72 пассажира —

«нижних чинов военного ведомства», а также 364 — «нижних чинов морского ведомства, при них жен — 7, детей — 19», а также немного «артиллерийского груза». «Классных пассажиров», по некоторым свидетельствам, было только двое — Антон Павлович Чехов и иеромонах о. Иракий, «родом бурят», сахалинский миссионер (с которым писатель познакомился месяц назад на борту парохода «Байкал», при переезде с Северного Сахалина на Южный). 19 октября, как значится в вахтенном журнале, «в 9.30 утра подняли якорь и дали ходу»².

Еще по прибытии во Владивосток, выяснив ситуацию, Чехов в «4 ч. 45 м. пополудни» дал телеграмму брату Михаилу: «Буду Москве десятого декабря плыву Сингапур». Но через неделю хода по Японскому морю, Корейскому и Формозскому проливам пароход «Петербург» пришел на рейд... Гонконга.

По-видимому, в последний момент произошло изменение маршрута, о котором Чехов не сразу узнал. Уже на другой день после выхода из Владивостока в судовом журнале значилось плавание «Японским морем из Владивостока в Гонконг». Возможно, это было вызвано

необходимостью ремонта, который не могли выполнить во Владивостоке. А скорее всего, из-за проблемы шести американских китобоев, которые, как рассказывал Антон Павлович, на вельботе в погоне за загарпуненным китом потеряли судно-матку у берегов Сахалина. Вельбот от быстрого хода дал течь, а начавшийся шторм выбросил его на берег. Потом с помощью русских китобои искали возможность добраться до ближайшего порта, где есть американский консул. В пользу последнего говорит и запись в судовом журнале, согласно которой, не прошло и часа после прибытия «Петербурга» на гонконгский рейд, как к нему подошел катер с агентом Доброфлота, которому были переданы «пассажиры-американцы».

Так неожиданно-негаданно писатель Чехов очутился в колониальном анклав Гонконг, который появился на китайской земле еще в 1842 году, после первой «опиумной войны». Тогда по Нанкинскому договору Великобритания захватила «в вечное владение» сам остров, а затем, в 1860 году, после второй «опиумной войны», согласно Пекинскому договору и южную часть континентального полуострова Коулун. (Впоследствии Великобритания «прибрала» также прилегающие обширные участки суши и 235 островов, оформив все это в 1898 году как «аренду Новых территорий на 99 лет» за издевательскую «плату» в 1 доллар.)

«Петербург» находился здесь почти трое суток (71 час), с 26 по 29 октября (7-10 ноября по европейскому календарю; обе даты параллельно фиксировались в журнале), причем большую часть времени на ремонте в Абердинском доке. Стоянка оказалась самой продолжительной из всех четырех, совершенных «карантинным» судном.

Автору данных строк в архивах Музея истории Гонконга удалось обнаружить местные газеты того времени, в которых сообщалось о прибытии в колонию 7 ноября 1890 года «русского парохода "Санкт-Петербург" водоизмещением 1821 т, без груза, под командованием капитана Гултала (неточность: Гутана. — Д.К.), вышедшего из Владивостока 31 октября». Первоначальное сообщение было подписано компанией «Мелчерс и К⁰», по видимому торговым партнером Добровольного флота. Затем в течение трех дней в рубрике «Судоходство» судно отмечалось как находящееся в Абердинском доке и, наконец, как «прошедшее таможенную очистку 10 ноября в офисе главного шкипера гавани и ушедшее на Сингапур»³.

Вот как впоследствии описал свои впечатления Чехов в знаменитом письме А.С. Суворину от 9 декабря 1890 года: «Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках; прекрасные дороги, конки, железная дорога на гору, музеи, ботанические сады; куда ни взглянешь, всюду видишь самую нежную заботливость англичан о своих служащих, есть даже клуб для матросов. Ездил на дженерихче, то есть на людях (двухместная повозка с рикшей. — Д.К.), покупал у китайцев всякую дребедень и возмущался, слушая, как мои спутники россияне бранят англичан за эксплуатацию (так в подлиннике. — Д.К.) инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете?...»

Подъем по железной дороге на гору и «замечательную панораму» Гонконга, открывающуюся оттуда, Чехов вспоминал позднее, в письме сестре из Неаполя в 1891 году, после посещения монастыря на склонах Везувия.

Между прочим, тонкая, как бы в восточном стиле, зарисовка Гонконга (через окно иллюминатора) присутствует в рассказе «Гусев» — первой публикации Чехова после путешествия. Вот она, если опустить диалог героев, находящихся в лазарете:

«Качки нет, и Павел Иваныч повеселел. Он уже не сердится <...>. Круглое окошечко открыто, и на Павла Иваныча дует мягкий ветерок. Слышны голоса, шлепанье весел о воду... Под самым окошечком кто-то завывает тоненьким, противным голоском: должно быть, китаец поет.

— Да, вот мы и на рейде, — говорит Павел Иваныч, насмешливо улыбаясь. — Еще какой-нибудь месяц, и мы в России <...>.

Гусев не слушает и смотрит в окошечко. На прозрачной, нежно-бирюзовой воде, вся залитая ослепительным, горячим солнцем, качается лодка. В ней стоят голые китайцы, протягивают вверх клетки с канарейками и кричат:

— Поет! Поет!

О лодку стукнулась другая лодка, пробежал паровой катер. А вот еще лодка: сидит в ней толстый китаец и ест палочками рис. Лениво колыхается вода, лениво носятся над нею белые чайки.

"Вот этого жирного по шее бы смазать..." — думает Гусев, глядя на толстого китайца и зеая. Он дремлет, и кажется ему, что вся природа находится в дремоте».

Любопытно, что всего за год до Чехова Гонконг посетил Джозеф Редьярд Киплинг «обратным маршрутом» — из Бомбея через Азию и Америку в Великобританию. Ему еще не исполнилось и двадцати пяти. Он навсегда покинул Индию, впечатления о которой дали ему столько пищи для творчества, оцененного в конце концов Нобелевской премией (1907). Поданный британской короны, «англоиндус», то есть англичанин, родившийся в Индии, он чувствовал себя в Гонконге как дома. Поэтому его наблюдения о Гонконге глубже и насыщеннее, да и был он там дольше. Киплинг ходил по тем же улицам, что и Чехов, также взбирался на поезд-фуникулере на гору Виктория Пик, ездил на «рикше» (рикше), посещал тот же самый клуб для моряков. Иногда их впечатления совпадают почти текстуально. Вот как у Киплинга: «Еще дальше от берега стоят на якоре пароходы. Они не поддаются подсчету, и четыре из пяти принадлежат нам <...>. Гонконг раз в десять оживленнее Сингапура. Повсюду что-то строят, куда ни посмотри, повсюду возвышаются колоннады и купола, дома оборудованы газовыми рожками».

Или еще цитата: «На главной улице почти все дома выходят на проезжую часть верандами, а европейские магазины словно хвастают огромными зеркальными витринами <...>. Гонконг удивляет необычной чистотой, одинаковыми трехэтажными домами и верандами, тротуарами, вымощенными камнями. Мне попалась на глаза только одна лошадь. Она присматривала за телегой на приморской улице. Наверху единственными экипажами служили рикши»⁴.

С чеховскими впечатлениями о Гонконге, точнее, с этой безобидной на первый взгляд цитатой из письма Суворину связана целая детективная история.

Впервые на свет письмо появилось в 1913 году в шеститомнике писем писателя, изданном в 1912-1916 годах под редакцией сестры — М.П. Чеховой. Однако после Октябрьской революции оно как бы исчезло из чеховедческой литературы. При первом (советском) переиздании писем, в 1948-1952 годах (в рамках Полного собрания сочинений и писем в 20 томах), от абзаца о Гонконге осталась лишь четвертая часть (полтора предложения — от начала фразы до слов «даже на картинках»). И лишь в 1963 году, в 12-томном издании сочинений и писем А.П. Чехова, предпринятом «Художественной литературой», этот абзац был восстановлен. Надо полагать, последнему способствовала наступившая в СССР «оттепель».

Политически подкованные современники, конечно, понимают всю подоплеку: иконообразный классик, автор тиражировавшегося тогда на всех углах «высказывания» о том, что «в человеке все должно быть прекрасно...» (которое на самом деле принадлежало не лично Чехову, а одному из героев его пьесы), ни в коем случае «не должен», «не может» восхвалять английский империализм. Тем более использовать рабский труд рикши. К тому же в момент подготовки первого переиздания в СССР чеховских писем в стране шла «борьба с космополитизмом». И поэтому в духе времени было произведено обычное тогда «литературно-хирургическое вмешательство», которое никто и не заметил (или не хотел замечать), разве что какой-нибудь очередной зарубежный «антисоветчик» типа Глеба Струве⁵.

Думается также, что вряд ли справедливо и современное утверждение, будто А.П. Чехов «не видел ничего дурного в европейской «эксплоатации китайцев»⁶. В цитируемом письме присутствует признание эксплуатации как таковой, но она сравнивается с тем, что он увидел на собственной родине — на Сахалине, то есть с эксплуатацией не иностранного, а собственного населения, причем куда более уродливой.

А вот поистине убийственная оценка писателем освоения Россией Приморья (из того же письма Суворину): «О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя...»

Отсюда понятно, что после Сахалина, который Чехов охарактеризовал предельно кратко и емко — «ад», Гонконг показался ему неким «оазисом». Именно в этом контрасте — колониального Гонконга и «родного» Сахалина, который «весь вполне» стал принадлежать Российской империи с 1875 года (согласно Санкт-Петербургскому договору с Японией), — он находил аргументы для возражения попутчикам относительно «эксплоатации».

По выходу из Гонконга пароход «Петербург» попал в жестокий шторм в Южно-Китайском море. Случилось то, что Чехов предвидел в одном из

писем, заочно хорошо изучив регион, — тайфун⁷. И поразился, что он не подвержен морской болезни. Однако положение было критическим: небольшое незагруженное судно бросало как щепку, и казалось, оно вот- вот опрокинется. Как рассказывал сам Чехов брату Михаилу, по совету капитана он вынул из багажа свой пистолет марки «Смит и Вессон», купленный накануне путешествия, держал его в кармане и был готов пустить в ход в случае неизбежности катастрофы⁸.

Когда шторм еще начинался, за борт, по морской традиции, сбросили завернутого в белое полотно покойника, уже второго за рейс. «Когда глядишь, как мертвый человек, завероченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море», — делился своими ощущениями Чехов с Сувориным (9 декабря). Эти эпизоды произвели сильное впечатление на писателя и, по всей видимости, стали заключительным толчком к созданию рассказа «Гусев», который Чехов «зачал» чуть позднее, на Цейлоне.

Но еще ранее Цейлона был короткий заход на 25 часов в Сингапур 3-4 ноября (15-16 н. ст.) — «обязательный» порт для судов Добро - флота на маршруте. «Город Льва», начавший служить британской короне ранее Гонконга, по численности населения не уступал ему, но был «раз в десять» менее оживленным (по оценке Киплинга) и, конечно, не столь обустроенным. «Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал», — всего-то и вспомнил Антон Чехов в «отчетном» письме Суворину. Не привез, видимо, он оттуда и фотографий или открыток. Во всяком случае, в письме Чехова редактору «Севера» В.А. Тихонову от 21 ноября 1891 года в перечислении «экзотических» фото из своего путешествия Сингапур отсутствует.

В Сингапуре Чехов заказал для Суворина «удивительную» яванскую лошадь (яванский пони, в основном гнедой масти). Через полгода (13 мая 1891 г.) он напоминал будущему владельцу, что вскоре офицеры парохода «Петербург» доставят лошадь в Одессу и нужно будет встретить и «спроводить ее в Феодосию, в теплый климат». Между прочим, беглая зарисовка строптивой маленькой лошадки в стойле на борту «Петербурга» присутствует в рассказе «Гусев».

Надо сказать, что Чехов активно общался с пассажирами и командой парохода, подружился с некоторыми из них и переписывался позднее, помогал судовому врачу (не отсюда ли «подслушанные» в лазарете диалоги в «Гусеве»?). Вот доказательство из письма патрону, А.С. Суворину: «Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего почтеннейшего слуги скот убили и бросили в море».

Судовой врач Александр Викторович Щербак, с которым Чехов «почти подружился», называя «замечательным человеком», позднее состоял с писателем в довольно интенсивной переписке. «По-моему, это замечательный человек, — писал Чехов Суворину 17 декабря 1890 года. — Там, где он служит, все его любят <...>. В прошлом у него такая каша, что сам черт увязнет в ней».

Действительно, человек непростой судьбы, он в годы студенческой юности был под влиянием анархистов - «нечаевцев», подвергался аресту, а по окончании медико-хирургичес-

кой академии в Санкт-Петербурге попал в качестве врача на Балканы (на сербско-турецкую и русско-турецкую войны) и затем в Среднюю Азию. Доктор Щербак являлся автором многих газетных корреспонденций с полем событий и двух книг о боевых походах («Черногория и ее война с турками в 1877-1878 годах» и «Ахалтекинская экспедиция генерала Скобелева в 1880-1881 годах»). После войны он был старшим врачом в санкт-петербургской Александровской больнице для чернорабочих, затем судовым врачом Добровольного флота и сопровождал неоднократно партии ссыльных на Сахалин и в другие местности Сибири. Его перу принадлежит также ряд ярких очерков о сахалинской ссылке, печатавшихся в газете «Новое время». Антон Павлович сослался на его заметки в «Острове Сахалин».

Этот незаурядный человек оказался еще и хорошим фотографом. Его фотопластины сохранили образы сахалинской каторги, а также облик Чехова во время путешествия (как и эпизоды самого путешествия).

К сожалению, доктор Щербак через четыре года умер от рака гортани во время очередного рейса на Дальний Восток и был похоронен в Нагасаки. Ему было всего сорок шесть лет. И опять же к сожалению, до сих пор не найдено прижизненной фотографии самого фотографа, писателя и врача, хотя современное фото его надгробия в Японии найдено.

Несомненно, что доктор Щербак был главным гидом «симпатичного доктора А-П-Ч» (по его собственному отзыву) во время всего путешествия, поскольку бывал на маршруте и ранее.

Там, где был рай

Коломбо стал третьей остановкой на пути домой, на 20-й день плавания. Документы свидетельствуют о том, что «Петербург» находился на острове три дня и две ночи — с утра 10 ноября до вечера 12-го (22-24 н. ст.).

Цейлон оказался самым ярким моментом всего 52-дневного морского путешествия, и чеховские воспоминания о тропическом острове неизменно были наполнены радостью, светом и юмором. Может быть, из-за тропической экзотики, а может быть, из-за подъема духа, который испытывал писатель, завершив свои дела в «аду» (как он позднее называл Сахалин). «Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!» — рефреном повторяется крыловский парафраз в нескольких письмах Чехова.

А вот и главное впечатление (в «кратчайшем отчете» Суворину от 9 декабря): «Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: "Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индусской (так в оригинале. — ДА...)... и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь»⁹.

Последнее предложение конечно же было опущено во всех советских переизданиях собрания сочинений и писем А.П. Чехова. Оно еще больше, чем впечатления о Гонконге, «диссонировало» с аскетичным образом классика (представителя «критического реализма» — по определению самого А.М. Горького). Однако умеющей читать публике эта sacramентальная фраза была известна как по отдельным работам чеховедов 20-х годов, так и по публикациям «расхристанных» 90-х. Эпизод с «индусской» не выбросила даже Мария Павловна, главный цензор самого первого сборника писем писателя. По-своему блюдя нравственный облик великого брата, она по согласованию с родственниками (братом Иваном и его женой) опустила многие фрагменты или даже целиком письма, содержавшие признания «интимно мужского характера»¹⁰.

Из чеховской переписки следует (а именно в ней сохранилось большинство воспоминаний об «азиатской кругосветке»), что писатель относил Цейлон к Индии, а его население — к «индусам» (а не сингалам), поскольку в те времена остров широко воспринимался как часть колониальной «британской Индии», хотя формально был провозглашен отдельной колонией еще в 1802 году. Неизвестно, знал ли Чехов, что название «Цейлон» произошло от древнего самоназвания страны «Синхала-двипа» (остров сингалов — потомков льва) и про-

шло сложную колониальную португало-голландско-английскую транслитерацию: Сейлао-Сейлан-Цейлон. Кроме того, Цейлон из-за яркости впечатлений оказался как бы центром вожа вокруг Азии (хотя стоянка в Гонконге, например, была дольше, чем в Коломбо), а родственники впоследствии относили некоторые из общих материалов поездки (сувениры, фото) как привезенные «из поездки на Цейлон», или «в Индию».

Разыскания чеховедов последних лет позволяют довольно подробно проследить пребывание писателя на Цейлоне. Считается, что, остановившись вместе с другими «классными» пассажирами в припортовой гостинице «Grand Oriental Hotel» (одной из лучших в городе, недалеко к тому же от базара и железнодорожного вокзала), он осмотрел Коломбо и тогда же впервые у уличных продавцов увидел отважную битву мангустов со змеями.

Посетил Чехов и ближний пригород, о чем свидетельствуют привезенные им фотографии. На одной из них видна железная дорога, подходящая вплотную к океанскому побережью, поросшему пальмами. Такое место и по сей день единственное близ Коломбо — в полудне езды на юг. Как и сегодня, здесь находились уютные бухточки без сильных течений, с белопесочными пляжами и буйями. Здесь же «в лунную ночь» состоялось, по видимому, и знаменитое рандеву с «черноглазой индусской».

На следующий день Чехов отправился по железной дороге в глубь острова, в старую ланкийскую столицу Канди (Kandy, 120 км от Коломбо), павшую последней в 1815 году, во время колонизации острова англичанами. И поныне главной достопримечательностью города является храм Шри Далада Малигава, где хранится священная реликвия буддизма — зуб Будды, выхваченный, по преданиям, из золы погребального огня. Надо полагать, что Чехов со спутниками осмотрели знаменитый в буддийском мире храм. Но каких-то прямых их воспоминаний об этом нет, скорее всего, потому, что экскурсанты были в рядовые дни, когда хранилище и алтарь закрыты. А грандиозные празднества с шествием слонов, выносом драгоценных реликвий и демонстрацией их публике («Эсала Перахера» — букв. шествие месяца эсала) проводятся только раз в году и приходятся по буддийскому календарю на август (иногда июль).

Еще одной достопримечательностью Канди является живописное озеро в центре города, на берегах которого храм и расположен. Здесь же, в пределах прямой видимости от храма, находилась (и существует поныне!) гостиница «Queen's Hotel», в которой останавливался Антон Павлович. Последнее подтверждают найденные недавно в архивах писателя два счета за отель за 23-24 ноября (11-12-е по российскому календарю), выписанные на имя Чехова.

Впечатления тех дней еще дважды упоминаются в чеховской переписке (с Сувориным от 2 и 7 августа 1893 года из Мелихова) в неожиданной связи: «Армию спасения ее процессии, храм и проч. я видел на Цейлоне в городе Кэнди. Впечатление оригинальное, но давящее на нервы. Не люблю». И в другом письме: «Еще об Армии спасения. Я видел процессию: девицы в индусском платье и в очках, барабан, гармоники, гитары, знамя, толпа черных голожопых мальчишек сзади, негр в красной куртке... Девственницы поют что-то дикое, а барабан — бу! бу! И это в потемках на берегу озера».

Следует подчеркнуть, что виденное Чеховым никакого отношения к буддийским празднествам не имеет. В те годы эта религиозно-филантропическая организация, созданная еще в 1865 году английским священником (и существующая в наши дни), расширила свое влияние далеко за пределы собственно Великобритании. Ее экстравагантные шествия, вычурные проповеди, а главное — реальная помощь на сделанные пожертвования привлекали внимание масс.

Чехов заночевал в Канди. Днем он возвратился в Коломбо и, вероятно, тогда же приобрел трех мангустов (один из которых оказался пальмовой кошкой). Вечером пароход «Петербург» отчалил в дальнейший путь.

Но в этот день, 12 ноября 1890 года, случилось нечто более важное.

Пребывание на тропическом острове вызвало у Чехова творческий всплеск. Именно здесь, по его собственному признанию, «зачат был» рассказ «Гусев», который писатель при-

вез из путешествия, как бы выполняя данное друзьям шутовское обещание. Более того, он проставил точную дату «зачатия» (в письме Суворину от 23 декабря): «Буде пожелаете, можете для шика написать внизу: "Коломбо, 12 ноября"».

По-видимому, «доцейлонская» часть плавания дала Чехову возможность отойти душой от «сахалинского ада», как-то упорядочить ранние свои впечатления и напитаться новыми. А их в плавании было немало: жизнь парохода и каторжных на нем, помощь доктору Щербаку по медицинской части, похороны в морской пучине, созерцание великого океана в бурных и живописных его проявлениях, заходы в иностранные порты — «оазис» колониальной цивилизации Гонконг и скучный Сингапур.

Очевидно, к этому периоду сахалинские и пароходные образы наложились на впечатления путешествия и вылились в рассказ, основа или план которого и были записаны на Цейлоне. А довершен он был, как представляется, далее в пути и отредактирован уже после возвращения в Москву.

В ряде современных публикаций говорится, что писатель возвращался с Сахалина очень больным, его мучили приступы удушья и кашля. Однако сам он неоднократно подчеркивал в письмах, что «чувствовал себя здоровым вполне», «ни разу не был болен». Более того, буквально накануне путешествия, в декабре 1889 года, Чехов писал: «В январе мне стукнет 30. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года».

Конечно же молодой Антон Чехов не был здоровяком, как Гончаров или Пржевальский — его кумиры, писатели-путешественники. Сестра в своих мемуарах со слов самого Антона Павловича отмечала, что первые признаки кровохарканья у того появились еще в двадцать четыре года, в студенческом возрасте. Были они и в длительном путешествии на Сахалин, хотя и не воспринимались писателем неким «зловещим заревом». Но все же морской этап вокруг Азии был для Чехова намного легче, чем «конно-лошадиное странствие» через Сибирь, а затем трехмесячное пребывание на каторжном острове. Он даже купался в Индийском океане, или, как мы бы сегодня сказали, «занимался экстримом». М.П. Чехов так вспоминал рассказ брата: «С кормы парохода был спущен конец. Антон Павлович бросился с носа на всем ходу судна и должен был ухватиться за этот конец. Когда он был уже в воде, то собственными глазами увидел рыб-лоцманов и приближающуюся к ним акулу».

Эпизод с акулой, как известно, вошел в «первоклассно хороший» (по словам И.Бунина) рассказ «Гусев» (когда покойника, завернутого в белое, сбрасывают, по морской традиции, в морскую пучину и акула, играя, подхватывает его в глубине). Так же как вошло и сочное описание поразительного по краскам заката солнца в тропиках — в финале рассказа. Этому описанию вторят и строки из письма Суворину: «Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное очень хорошая штука».

Следует подчеркнуть, что такой финал кажется неожиданным для в общем-то трагического рассказа. Но в этом-то и проявился парадоксальный талант писателя. По-видимому, многодневное плавание по бескрайнему океану под бездонными небесами навеяло, подсказало стиль рассказа, обострив его ощущение бренности человеческой жизни под шатром роскошной и равнодушной природы...

«Переплыл океан...»

«От Цейлона безостановочно плыли тринадцать суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло», — вспоминал потом Чехов (в письме Суворину от 9 декабря).

Действительно, в дни перехода через Индийский океан вахтенный журнал «Петербурга» полон однообразных записей об уборке корабля и заботах о пассажирах. Правда, уже 18 ноября, то есть через шесть дней после выхода из Коломбо, он сообщал: «С заходом солнца увидели берег Африки (мыс Гвардафуй)». И еще однажды записи пополняются неожиданным сообщением — о крещении 20 ноября «младенца женского пола», родившегося накануне у Авдотьи Новоселовой, жены «бессрочно-отпускного матроса Сибирского экипажа».

И тем не менее, как представляется, эти и последующие дни были использованы писателем для творчества. Дело в том, что рассказ «Гусев» был только «зачат» на Цейлоне. Но стоянка была там двое с половиной суток. Учитывая длинные разъезды и приключения, времени для творчества особенно не было. Да и в Москву Чехов приехал сильно расхворавшимся (после жары тропиков «простудился в Архипелаге», мучили перебои сердца). Также надо было обустроиваться на новом месте (в тесном доме на Малой Дмитровке), отписать срочные письма друзьям и принимать бесконечных гостей, жаждавших услышать рассказы из первых уст о необыкновенном путешествии. «Друзья и приятели не давали ему покоя в Москве, — вспоминал брат Михаил. — Тотчас по его возвращении из Сахалина они навещали его буквально с утра и до вечера и не давали ему времени ни отдохнуть, ни поработать»¹¹.

Между тем Антон Павлович приехал в Москву с почти готовым рассказом. 17 декабря он сообщил Суворину, что «есть подходящий рассказ, но он длинен и узок, как сколопендра, его нужно маленько почистить и переписать». И уже 23 декабря «Гусев» был послан в «Новое время» и в рождественском номере (25 декабря 1890 г.) появился на свет. «Для шика» с разрешения Чехова была поставлена дата:

«Коломбо, 12 ноября». Но при переизданиях автор снял ее, вероятно, потому, что основа рассказа — «длинная и узкая» — была написана все-таки позднее, во время плавания от Коломбо до Одессы.

19-20 ноября «Петербург» проследовал Аденским заливом без захода в знаменитый порт Аден (обязательный для захода судов Добровольного флота при обычных обстоятельствах) и вошел в Красное море. Чехов, кажется, использует всего лишь два слова в описании своих впечатлений на этом отрезке: уныло и скучно. Действительно, справа по ходу — бесконечные пески и безжизненные скалы Аравийской пустыни, слева — безжизненные берега Абиссинского нагорья и далее Нубийской пустыни. Египетские пирамиды, знаменитые пороги Нила и не менее знаменитые нильские крокодилы были где-то далеко за горизонтом. Чехова почему-то не удивила чистейшая вода Красного моря, в которую не впадает ни единая река.

Однако плавание сопровождалось, по меньшей мере, одним любопытным событием. И оно зафиксировано в судовом журнале. Это встреча с отрядом судов, на которых российский наследник престола, будущий император Николай II совершал кругосветное плавание из Европы на Дальний Восток. На южном входе в Суэцкий канал суда стояли на рейде рядом, и экипажам была дана возможность повидаться со знакомыми и обменяться впечатлениями. Позднее фирмой Брокгауза (в Лейпциге) было издано роскошное трехтомное описание этого вояжа, удивляющее до сих пор своим качеством. Однако Чехов не упоминал о факте этой встречи.

Возможно, тогда же произошел и другой случай — спасение французского судна, севшего на мель. В пересказе брата Михаила он выглядел довольно живописно: «"Петербург" по необходимости должен был остановиться и подать ему помощь. Спустили проводочный канат — перлинь, соединили его с пострадавшим судном, и, когда стали тащить, канат лопнул пополам. Его связали, прицепили снова, и французский пароход был спасен. Всю дальнейшую дорогу французы, следовавшие позади, кричали "Vive la Russie!" и играли русский гимн; и затем оба парохода разошлись, каждый поплыл своей дорогой. Каково же было разочарование потом, когда на "Петербурге" вспомнили, что забыли на радостях взыскать с французов тысячу рублей за порванный перлинь (все спасательные средства ставятся в счет спасенному), и, таким образом, эта тысяча рублей была разложена на всех подписавших протокол о спасении французского судна, в том числе и на моего брата Антона»¹².

Некоторые чеховеды полагают, что память в данном случае подвела мемуариста-брата. Во-первых, не указано место происшествия, и, во-вторых, в судовом журнале этот эпизод никак не отмечен. Однако по обилию и точности деталей трудно поверить в то, что такой пересказ мог быть ошибкой памяти. Кроме

того, есть и прямое указание на документ — протокол о спасении французского судна. Возможно, он до сих пор пылится в архивных томах Добровольного флота. Есть и еще одна зацепка — упоминание о том, что французы «всю дальнейшую дорогу» следовали позади. Такое длительное плавание «гуськом» могло иметь место только в канале или на подходе к нему.

Отмечая в нескольких письмах увиденные горы Синайского полуострова, Чехов в одном из писем нашел удивительные слова: «Глядя на Синай, я умилялся». Естественно, ему, сызмальства религиозно воспитанному человеку (находившемуся во внутренне сложных отношениях с религией в зрелые годы), было близко понимание этого библейского места, святого для всех православных людей. Именно здесь, на вершине горы Синайской, или, как ее называют египтяне, горы Моисея, Господь, согласно преданию, вручил будущему пророку Моисею каменные доски — Скрижали веры со знаменитыми десятью заповедями. А где-то под горой на краю пустыни Бог явился Моисею, пасшему овец, сквозь горящий, но не сгорающий в святом огне терновый куст (неопалимую купину), призвав того вывести израильский народ из Египта в «землю обетованную».

Нелишне отметить, что накануне путешествия отец писателя Павел Егорович заказал для сына нательный крестик и со свойственной ему скрупулезностью попросил мастера поставить на обратной стороне дату — «1890». Кроме того, жена Суворина Анна Ивановна также перед отъездом подарила Чехову маленькую иконку с изображением Иисуса Христа с благословляющим жестом правой руки и скрижалями в левой с надписью: «Заповедь новую даю». Этот маленький золотой крестик и иконку Чехов пронес через все путешествие и хранил всю жизнь. (В настоящее время они на ходятся на Белой даче — в Доме-музее А.П. Чехова в Ялте.)

Сам Суэцкий канал, прямой как стрела и узкий тогда (всего двадцать два метра в ширину), не отразился подробно в воспоминаниях Чехова, хотя, прорытый только в 1869 году, он был все еще «на слуху» и в центре политических интриг, направленных на обладание им. Проход по каналу занял около двух суток (24-25 ноября), и судно направилось в Порт-Саид.

Визит в Порт-Саид

Тот факт, что А.П. Чехов был в Африке, может кому-то показаться невероятным. Но это исторический факт. 29 ноября 1890 года писатель прибыл в город строителей Суэцкого канала и единожды в своей жизни ступил на африканскую землю (хотя мечтал позднее приехать еще раз, в Алжир).

Заход в Порт-Саид был четвертым, и последним на пути домой. Согласно судовому журналу, «Петербург» в 2.30 ночи отшвартовался в порту напротив знаменитой башни маяка, а уже в 16.30 того же дня снялся с якоря. Тем не менее пассажиры могли поутру сойти на берег и запастись впечатлениями и сувенирами.

Но, кроме нескольких упоминаний, Чехов не оставил описания этого молодого египетского города, зародившегося в 1859 году вместе с первым ударом лопаты наемного феллаха о песчаную почву, еще помнившую древние каналы, которые копали здесь рабы египетских фараонов и персидского царя Дария I. Этот город стал строителем, а затем и слугой великого канала. А еще Порт-Саид остался в памяти людской как город Фердинанда де Лессепа — французского дипломата и ловкого дельца, энергии и ума которого хватило на то, чтобы подвигнуть политиков и «денежные мешки» на осуществление великого проекта. Между прочим, Лессепс с целью продажи акций побывал тогда и в России, в Одессе (заметьте, не в Петербурге или Москве), и безуспешно. Именно ему поначалу был поставлен памятник перед северным входом в канал вместо оказавшейся не по карману грандиозной статуи «Египет, несущий свет в Азию», заказанной во Франции. Кстати, проект этот впоследствии перекочевал в Нью-Йорк и в несколько измененном виде стал знаменитой статуей Свободы. Любопытно, что комитет «по дарению» статуи Свободы от имени Франции возглавил все тот же Лессепс.

Великим событием для города стало пышное открытие канала для судоходства 17 ноября 1869 года, на котором присутствовали многие высокопоставленные и царственные особы Европы, в том числе брат русского царя — великий князь Михаил Николаевич, наместник на Кавказе. При нем в свите был и знаменитый художник И. Айвазовский, написавший впоследствии несколько картин «по мотивам», в том числе и виды Суэцкого канала. Для грандиозного празднества прославленному Дж. Верди была заказана опера, поставленная, однако, два года спустя в Каире и ставшая всемирно знаменитой «Аидой».

И все-таки из Порт-Саида Чехов привез не менее ценное — фотографии, открытки и сувениры. Год спустя, 21 ноября 1891 года, в письме редактору журнала «Север» В. А. Тихонову он спрашивал: «Не нужно ли Вам для "Севера" "экзотических" фотографий, которые я привез из кругосветного плавания? Есть Цейлон, есть Порт-Саид, есть Суэзский Канал, есть Владивосток, кусочек Гонг-Конга, слоны, крокодилы и прочая штука. Если нужно, то привезу». Ныне эта коллекция хранится в Литературном музее, куда ее в 1922 году передала из семейного архива Мария Павловна. И самое главное — чернильный прибор и два подсвечника «в египетском стиле». До сих пор они стоят на письменном столе в ялтинском доме-музее. Точное происхождение их неясно, но я полагаю, они привезены из Порт-Саида. В любом случае эти сувениры показывают, какую добрую память хранил писатель о своем кратком визите в Африку.

Из Порт-Саида до Одессы Чехову оставалось еще четыре дня пути. На Средиземноморье уже господствовали холодные ветры, часто опускались туманы. При прохождении Дарданелл и Босфора, судя по судовому журналу, «Петербург» сделал две короткие (около часа) стоянки «для получения практики» (разрешения) на проход через проливы и посадки двух «гвардионов» (охранников), но выхода пассажиров на турецкий берег, судя по всему, не было.

Необходимо подчеркнуть, что уже после возвращения в Москву Чехов написал двоюродному брату Г. М. Чехову (29 декабря 1890 г.): «Проехал я через всю Сибирь, <...> прожил на Сахалине три месяца и три дня, потом возвращался на пароходе Добровольного флота. Был я в Гонг-Конге, в Сингапуре, на острове Цейлоне, видел гору Синай, был в Порт-Саиде, видел острова Архипелага, откуда доставляют нам маслины, сантуринское вино и длинноносых греков, которых, кстати сказать, во всем свете, кроме Таганрога, считают большими мошенниками и невеждами; видел я Константинополь. Приходилось на пути испытать качку, всякого рода муссоны и норд-осты, но морской болезни я не подвержен и во время сильной качки ел с таким же аппетитом, как и в штить».

Это личное свидетельство весьма важно, поскольку до сих пор в печати появляются всякие неточности и небылицы о чеховском путешествии вокруг Азии. Например, о том, что писатель посетил Константинополь и даже Японию (в которую, кстати, он очень хотел попасть и впоследствии заочно любил до конца дней своих, называя «чудесной страной»). Во всех письмах той поры писатель однозначно пишет применительно только к этим четырём портам заходов — «был», «заезжал», «посетил», а о других географических объектах — по-иному: «глядел» на Синай, «видел» греческий архипелаг, «обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем». Видел и любовался конечно же с борта парохода.

На подходе к Одессе, как сообщает судовый журнал, «ветер перешел к N-у и засвежел, <...> пошел снег», температура упала до -3° . Утром 2 декабря пароход «Петербург» под карантинным флагом встал на якорь у Платоновского мола. Через три дня «обсервации», то есть карантина, «все пассажиры и бессрочно-отпускные» были «сданы» на берег. Одно из главных событий в жизни писателя (по его же признанию) — поездка на Сахалин — закончилось.

Вечером того же дня Чехов сел на скорый поезд в Москву. С дороги он дал три телеграммы родным с просьбой обязательно встретить его. И немудрено: багаж Антона Павловича после более чем семимесячного путешествия на Восток был впечатляющим — 21 место. Кроме того, как писал он старшему брату, «привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангусами» (то есть мангустами). Эти

любопытные зверьки, дети Цейлона, своим поведением и шкодами еще долго доставляли удовольствие (а потом и проблемы) всей семье Чеховых и в конце концов были подарены Московскому зоопарку.

Несмотря на то что по приезде Чехов «расклеился», или, как он писал в те дни, «кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк» (Лейкину от 10 декабря), писатель испытывал явный эмоциональный подъем. «Скажу только, — откровенничал он в тот же день с «собратом по перу» Леонтьевым (Щегловым), — что я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия. — Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, то есть на острове Цейлоне».

А месяц спустя после приезда (5 января 1891 г.) он признавался «драгоценному» Суворину: «После сахалинских трудов и тропиков моя московская жизнь кажется мне теперь до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кусаться».

Еще долго в переписке тех лет Чехов вспоминал Гонконг, Цейлон (или Индию), Порт-Саид, часто сравнивая с виденным в Европе, где побывал в следующем, 1891 году. И рвался в Азию опять: «Буду работать всю зиму не вставая, чтобы весной уехать в Чикаго (на Всемирную выставку. — Д.К.). Оттуда через Америку и Великий океан в Японию и Индию. После того, что я видел и чувствовал на Востоке, меня не тянет в Европу» (Суворину от 18 октября 1892 г.).

А в Москве, во флигельке на Малой Дмитровке (временном пристанище до переезда в Мелихово), на письменном столе Антона Павловича навсегда поселились любимые сувениры, привезенные из первого в его жизни заграничного путешествия: «китайский божок» из Гонконга, черные и белые слоники с Цейлона. В числе немногих памятных вещей вместе с докторским молоточком они сопровождали и грели душу писателя всегда — в Москве, Мелихове, Ялте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее тексты писем А.П. Чехова цит. по: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1974-1983.

² Все записи вахтенного журнала цитируются по архивному оригиналу. — РГИА (СПб.), ф. 98, оп. 1, д. 4909, илл. 71-125.

³ *Hong Kong Daily Press*. 1890. November 8, 10 and 11.

⁴ *Киплинг Р.* *От моря до моря.* М.: Мысль, 1983. С. 48-49.

⁵ См.: Чехов в советской цензуре // *Новый журнал*. Кн. 37. Нью-Йорк, 1954.

⁶ *Лукин А. В.* *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках.* М., 2007. С. 120.

⁷ Среди изученных Чеховым работ в списке «Литература» под № 49 была и такая: *Штандлер У.* Пути тайфунов в Китайском и Японском морях // *Морской сборник*. 1881. № 4, с приложением карт направления тайфунов.

⁸ См.: *Чехов М.П.* Встречи и впечатления. — В кн.: *Вокруг Чехова.* М., 1990. С. 280.

⁹ Письма А.П. Чехова. Под ред. М.П. Чеховой. М., 1913. Т. 3. С. 146.

¹⁰ Текст воспоминаний С.В. Чеховой см. в кн. *Шалюгин Г.А.* Чехов: жизнь, которой мы не знаем. Симферополь, 2005. С. 163-164.

¹¹ *Чехов М.* *Биографический очерк.* — В кн.: *Письма А.П.Чехова. Под ред. М.П. Чеховой.* М., 1913. Т. 3. С. VII.

¹² *Чехов М.П.* *Указ. соч.* С. 280-281.